

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благоприятный случай.....	5
Однажды в воскресенье.....	34
Привидение в Фирозша-Баг.....	55
Визит с соболезнованиями.....	79
Коллекционеры.....	107
О седых волосах и крикете.....	146
Жильцы.....	168
На корточках.....	197
Одолжи мне свой свет.....	235
Тренировки.....	266
Уроки плавания.....	309
Алфавитный указатель.....	343

Благоприятный случай

Смучительным стоном Рустом-джи вышел из туалета, зажав в горсти развязанные шнурки пижамы. Безграничная ярость искажала его небритое лицо. Он еле удерживал на себе пижамные штаны в желтых пятнах.

— Мехру! *Аппэ*¹, Мехру! Ты где? — закричал он. — Говорю тебе, я этого не вынесу! И надо же, чтоб именно сегодня, в *Бехрам роз*²! Мехру! Ты слышишь?

Появилась Мехру. Ее тапочки ритмично шлепали — тюх, тюх — раз-два. Она была намного моложе мужа, в свое время ее выдали за тридцатилетнего мужчину совсем юной девушкой, не дав доучиться в школе последний год. Рустом-джи, успешный бомбейский адвокат, показался родителям Мехру удачной партией — никому не приходило в голову, что в пятьдесят он уже будет носить зубные протезы. Кто, охваченный ажиотажем сватовства на пике свадебного сезона, мог бы представить себе вялый беззубый рот, который ка-

¹ Эй! (*хинди, урду*)

² Двадцатый день месяца зороастрийского календаря, посвященный богу войны Бахраму (*фарси*).

ждое утро приветствует женщину в самую пору ее расцвета? Никто. И уж, конечно, не Мехру. Она родилась в семье правоверных парсов, соблюдавших все важные даты парсийского календаря, молилась и посещала все положенные церемонии в храмах огня и даже устроила себе комнату с железной кроватью и железным табуретом, какие полагаются женщинам, когда раз в месяц они бывают нечисты.

Мехру с готовностью приняла уготованную ей судьбу и принесла в свой новый дом родительские обычаи. Там ей было разрешено все, кроме «нечистой» комнаты, о которой Рустом-джи даже слышать не хотел. На самом деле в глубине души он, в общем, любил древние традиции, хоть и делал вид, что к ним безразличен. Он с удовольствием ходил в храм огня, нарядившись в сияющую белизной рубашку *дагли* и накрахмаленные белые брюки. На голову с прекрасными волосами, еще не разделившими участь зубов, он водружал национальную шапку *фейто*.

На мужнины крики Мехру отреагировала добродушно. Она старалась сохранять спокойствие, поскольку то утро должно было завершиться молитвами в храме огня, и она была готова сделать все, чтобы не испортить прекрасный праздник *Бехрам роз*. Этот день парсийского календаря был ей особенно дорог: именно в *Бехрам роз* мать дала жизнь Мехру в родильном доме Ауабай Петит Парси; в этот же день, когда Мехру исполнилось семь лет, она прошла ритуал *навджот*¹ и семейный священ-

¹ Ритуал в зороастризме, после проведения которого человек считается введенным в зороастрийскую религию и начинает носить рубашку *судру* (или *седре*) и пояс *кушти* (или *кошти*) (*гуджарати*).

ник *дастур*¹ Дхунджиша ввел ее в лоно зороастрийской церкви; наконец, четырнадцать лет назад в *Бехрам роз* на ней женился Рустом-джи, и свадьба гуляла до самого утра — говорили, что ни один нищий не ушел голодным, столько еды было выброшено в тот день в помойные контейнеры Кама Гарден.

Да, *Бехрам роз* многое значил для Мехру. И поэтому она прокричала нараспев:

— И-ду! И-ду!

Рустом-джи взревел в ответ:

— Ты там оглохла, что ли? Мне тебя звать, пока легкие не лопнут?

— Иду-иду! У меня только две руки, а работы полно. *Гунга*² опаздывает, пол не подметен.

— *Аррэ!* Забудь про свою *гунгу-бунгу!* — завопил Рустом-джи. — Этот вонючий туалет наверху опять течет! Бог знает, что они там делают, чтобы нас залить! Я сл и только-только начал, как кто-то спустил воду, и мне прямо на голову как ливанет — плюх! — и я весь мокрый! Прямо на голову!

— На голову! Ой-ой-ой! Какой ужас! Как неблагоприятно! Как...

Мехру не находила слов и вся сжалась от отвращения при известии о столь оскверняющем происшествии. Она осторожно заглянула внутрь туалета, опасаясь потока экскрементов и прочих нечистот, но заметила лишь постоянное равномерное капанье — кап-кап-кап-кап — прямо в унитаз, так что нечего было и думать о его ис-

¹ Священник у парсов-зороастрийцев. Иногда к слову *дастур* может добавляться *-джи* в качестве выражения уважения: *дастур-джи* (*хинди, урду, фарси*).

² Прислуга, *букв. немой* (*хинди, урду*).

пользовании. Пока проводился осмотр, позади Мехру с диким, безумным видом кипел от ярости Рустом-джи, все еще сжимавший в кулаке завязки пижамы.

— Почему бы нам на этот раз не вызвать хорошего сантехника вместо того, чтобы жаловаться управляющим Баг? — рискнула предложить Мехру. — Они ведь опять схалтурят.

— Я не дам им ни одной пайсы из своих доходов, добытых тяжким трудом! Пусть платят эти мерзавцы, усевшиеся задницей на мешки с нашими деньгами! — бушевал Рустом-джи, размахивая свободной рукой, не державшей завязки. — Я наложу кучу им в конторе, наложу кучу в их домах! Если надо будет, наложу кучу им под дверью!

— Успокойся, Рустом-джи, не говори такие вещи в *Бехрам роз*, — увещевала его Мехру. — Если тебе еще хочется в туалет, я попрошу соседку Хирабай тебя пустить.

— Это ты, у которой муж дурак! Я тебе тысячу раз говорил, что не войду к ним в дом, если там Нариман. Да и все желание прошло. Исчезло, — обреченно произнес Рустом-джи. — День полностью испорчен. И кто знает, — добавил он с извращенным удовлетворением, — это даже может кончиться запором.

— Нариман, наверное, пошел в библиотеку. Я попрошу Хирабай, и ты зайдешь к ним попозже. Я сейчас иду туда, чтобы позвонить в контору, а когда вернусь, заварю тебе хорошего горячего чая. Быстро выпьешь чашечку, и тебе снова захочется, — успокоила мужа Мехру и вышла.

Рустом-джи решил вскипятить себе воды для ванны. Было ощущение, что он с ног до головы покрыт нечистотами.

Медный таз уже стоял наполненный водой. Но его забыли накрыть, поэтому туда нападали с потолка белые кусочки штукатурки. Они плавали на поверхности подобно белым пятнышкам, пляшущим перед глазами Рустом-джи, когда он очень устал долгим жарким днем в душном здании суда или когда сильно раздражался, крича на мальчишек Фирозша-Баг, шумно игравших на дворовой площадке в крикет.

Штукатурка уже несколько лет сыпалась в его квартире в корпусе «А», как и в большинстве квартир Фирозша-Баг. Небольшой перерыв случился, когда доктор Модии, постоянно теревивший их управляющую компанию (храни за это его господь), настоял на ремонте. Но тот период прошел, и коммунальщики избрали новую тактику — прекратить все ремонтные работы, кроме тех, что необходимы для спасения здания от сноса.

После некоторого периода сопротивления большинство жильцов стали сами следить за состоянием собственных квартир, нанимая маляров и штукатуров. Но Рустом-джи до сих пор упрямо стоял на своем, называя соседей дураками, потому что облегчают жизнь управляющей компании, вместо того чтобы терпеть неудобства среди осыпающихся стен, пока негодия не капитулируют.

Когда соседи под предводительством Наримана Хансоти решили скинуться и нанять фирму, чтобы покрасить корпус «А», Рустом-джи из принципа отказался вносить свою долю. Здание выглядело мрачно, с годами приобретя ужасный желто-серый оттенок. Но даже симпатичный пенсионер Нариман, каждый день, кроме воскресений, ездивший на своем «мерседесе» 1932 года в Мемориальную библиотеку имени Кавасджи Фрамджи

читать ежедневные мировые газеты, не смог уговорить Рустом-джи раскошелиться.

Очень расстроенный Нариман вернулся к Хирабай со словами:

— Этот жадюга не желает ничего понимать, у него в башке опилки. И я буду не я, если не сделаю его всеобщим посмешищем.

После их разговора к Рустом-джи прилепилось прозвище «жадюга», которое быстро распространилось по всему Фирозша-Баг, существовало долго и пользовалось большой популярностью.

Нариман Хансотия убедил соседей не отказываться от найма рабочих, а строительной фирме посоветовал оставить непокрашенным фасад квартиры Рустом-джи. Он думал, что тот устыдится, когда дом обновят и на сияющем фасаде будет торчать грязный квадрат. Однако Рустом-джи, наоборот, обрадовался. С торжеством в голосе он говорил всякому встречному-поперечному:

— Мистер Хансотия купил себе костюм с заплатой на одной коленке!

Рустом-джи довольно хмыкнул, вспомнив эту историю. Он наполнил медный таз свежей водой и водрузил его на газовую плиту. Конфорка вспыхнула не сразу, вызвав подозрение, что газ в баллоне скоро закончится. Больше недели прошло с тех пор, как Рустом-джи звонил в треклятую газовую компанию и просил привезти новый баллон. Он задумался о возможном дефиците газа, который уже возникал в прошлом году, когда им пришлось топить углем печку *сигри* — недельной нормы керосина едва хватало, чтобы приготовить утренний чай.

«Чай, благодарю бога за чай», — подумал он, предвкусывая вторую чашку, которую пообещала ему Мехру.

Он будет его пить большими глотками обжигаяще горячим, наливая из чашки в блюдце, а оттуда прямоком в рот. Возможно, чай заставит работать его сбитый с толку кишечник и хоть отчасти исправит дурные предзнаменования этого утра. Конечно, ему придется довольствоваться туалетом Хирабай Хансоти, хотя его кишечник обычно противится незнакомой обстановке. Ну, поживем — увидим, кто из них все-таки победит: слабительный чай Мехру или сковывающий кишки туалет Хирабай.

Взяв газету «Таймс оф Индия», он удобно устроился в кресле и стал ждать, когда закипит вода. Надо что-то делать с отваливающейся краской и штукатуркой. В некоторых местах они отслоились полностью, так что был виден красный кирпич. Говорили, что эти дома были построены в невероятно короткое время и на очень небольшие деньги. Использовались дешевые материалы, а песок, привозимый с пляжа Чаупатти, смешивался в огромных количествах с нестандартным цементом. В результате во время муссонного сезона по стенам квартир стекали бусинки влаги, подобно поту на спине *кули*¹, что значительно усиливало износ краски и штукатурки.

Время от времени Мехру указывала мужу на ухудшение ситуации, но Рустом-джи уходил от решений, обвиняя во всем управляющую компанию. Впрочем, сегодня ему не о чем было беспокоиться. Жена не станет заговаривать об этом в такой праздник, как *Бехрам роз*. Для споров времени не оставалось. Мехру встала рано, собрала детей в школу, приготовила им с собой

¹ Носильщик, грузчик (*хинди, урду*).

еду, состряпала на обед *дхандар-патио*¹ и *сали-боти*², накрахмалила и выгладила его белую рубашку, брюки и *дагли*, выстирав их накануне вечером, а также свою белую блузку, нижнюю юбку и сари. И надо же, чтобы эти проклятые верхние жильцы устроили протечку в туалете! Если Гаджра, их *гунга*, не явится в ближайшее время, Мехру придется подметать и мыть пол и только потом украшать входную дверь рисунками мелом, вешать *торан*³ (который был доставлен еще в шесть утра) и наполнять квартиру ароматом *лобана*⁴ — считалось, что пропуск или изменение предписанной последовательности действий приводит к несчастью.

Праздновать именно так и никак иначе было собственным выбором Мехру. С точки зрения Рустом-джи, эти обычаи уже умерли и не имели смысла. Кроме того, он постоянно объяснял ей то, что называл психологией каждой *гунги*: «Если для тебя важен какой-то день, никогда не говори об этом *гунге*, делай вид, что все как обычно. И никогда, слышишь, никогда не проси ее прийти раньше, потому что она нарочно придет позже». Но Мехру не поддавалась обучению. Она доверяла прислуге, говорила как есть и потому страдала.

Гаджра — это последняя *гунга* в длинной череде других, убиравшихся в их доме. До нее у них работала Тану.

Каждое утро на протяжении двух лет Тану приходила к ним в квартиру подметать, мыть пол, стирать и мыть посуду. Высокой худощавой женщине, полуслепой

¹ Персидский соус-суп с морепродуктами (*маратхи*).

² Парсийская разновидность карри из ягненка (*гуджарати*).

³ Украшение из цветов в виде арки при входе в помещение (*санскр.*).

⁴ Разновидность ладана для богослужения у парсов. Ароматная древесная смола, кристаллы которой сжигаются (*урду*).

и кривоногой, было далеко за семьдесят. Ее лицо и конечности покрывало поразительное количество морщин. Там, где морщин не наблюдалось, кожа была шершавая и шелушилась. У нее были большие уши, которые торчали из-под клочьев спутанных седых волос, смазанных кокосовым маслом. На тонком остром носу непрочно сидели очки (одна линза отсутствовала).

Проблема заключалась в том, что Тану постоянно разбивала либо тарелку, либо чашку, либо блюдце. Мехру была готова терпеть низкое качество подметания и мытья полов, однако битье посуды наносило заметный ущерб семейному бюджету, что, по словам Рустом-джи, в один прекрасный день могло привести к разорению, если *гунгу* вовремя не остановить.

Периодически Тану грозили сокращением зарплаты и другими более серьезными наказаниями. Но, несмотря на ее благие намерения, чистосердечные признания и обещания, ничего не менялось. К плохому зрению добавлялись трясущиеся неловкие руки старого человека, а также долгая несчастная жизнь — муж, сбежавший и оставивший Тану двух сыновей, которых пришлось поднимать в одиночку и которые теперь стали пьяницами, ленивыми лоботрясами и сущим наказанием ей на старости лет.

— Бедная, бедная Тану! — говорила Мехру, бессильная хоть как-то помочь.

— Очень печально, — соглашался Рустом-джи, однако ничего не предпринимал.

Так что тарелки и блюдца продолжали выскользывать из старых натруженных рук Тану, продолжали падать и биться, вызывая у Рустом-джи скорбь с финансовым уклоном, а у Мехру обычную жалость — жалость, потому что она понимала, что с Тану скоро придется простить-